

© Ж. Браше

© Ю. Шиле

ПОЛИТЭКОНОМИЯ НАТРОНА В РЕГИОНЕ БОРКУ (РЕСПУБЛИКА ЧАД)

Ключевые слова: Республика Чад, Борку-Эннеди-Тибести, Фая-Ларжо, натрон, анаказа, камая, вадаи, налогообложение, государство, традиционные вожди.

Экспорт натрона с главной кустарной выработки в регионе Борку облагается налогом совместно вождем племенного клана и правительственным чиновником. История формирования этого неустойчивого соглашения показывает, что “вожди” и “государство” нуждаются друг в друге для утверждения своего рода суверенитета над этим регионом. Частный случай налогообложения натрона является показательным для понимания государственного устройства Республики Чад в целом, с его дублированием официальных административных структур традиционными и системой взаимодействия локального и национального уровней политической власти. Статья основана на результатах восьмимесячного полевого исследования обоих авторов на севере Чада в 2012 г., а также на работе в местных и национальных архивах.

Откалывать от поверхности большие блоки минерала с помощью лома, кувалды или оси грузовика. Толкать, тащить, катить их, собирая в кучи, потом грузить в контейнеры, по 25-35 тонн на грузовик. С рассвета до заката, круглый год работа горняка тяжела и однообразна. Но в Фая-Ларжо, на этой небольшой открытой выработке в песках Сахары, ни один человек не работает круглый год от рассвета до заката. Нет даже таких, кто работает достаточно долго. Большинство – люди из других регионов, они здесь не задерживаются. Местные же работают по очереди, по случаю, время от времени.

В оазисах Борку-Эннеди-Тибести – трех северных провинций Республики Чад – кроме фиников, практически нет местной продукции, которую можно было бы продать за пределы региона. В Фая (префектура Борку), где находится одно из двух основных разрабатываемых месторождений натрона в стране (*Gillet* 1988: 115), этот минерал является важнейшим ресурсом¹.

Жюльен Браше | Университет Париж-1 Сорбонна | 12 Pl. du Panthéon, 75231 Paris, France | julien.brachet@ird.fr

Юдит Шиле | <https://orcid.org/0000-0001-7224-7668> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | judith.scheele@ehess.fr |

Статья впервые опубликована в журнале “Politique africaine”, 2018, 151: 39–59. На русском языке публикуется с согласия авторов и редакции журнала.

Для цитирования: Ж. Браше, Ю. Шиле. Политэкономия натрона в регионе борку (Республика Чад). // Антропологии/Anthropologies. 2021. № 1. С. 62-77. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/62-77>.

Добыча натрона в Фая-Ларжо. Фото Ж. Браше, 2012 г.

Расположенная между пальмовой рощей и окаймляющими ее дюнами к западу от города, выработка тянется на несколько километров в длину и один в ширину. Каждый день из других регионов приезжают водители и покупают натрон целыми грузовиками, чтобы перепродать его с большой выгодой в Ваддае на востоке страны или в соседнем Судане. На уровне региональной экономики валютная выручка от этой торговли существенна, хотя она и оседает в карманах лишь нескольких человек. Основной доход от эксплуатации выработки получают не горняки и даже не водители-коммерсанты, а чиновник министерства горнодобычи и традиционный вождь кантона² анаказа. Иными словами, представители государства (которое по определению является собственником недр в стране)³ и местной традиционной власти, претендующей на владение землей, на которой расположено месторождение⁴. Натрон для них – это настоящая рента, не только экономическая, но и символическая, и политическая, настолько само существование и, как минимум, легитимность разрешающих органов зависит от регулярно выдаваемых ими третьим лицам разрешений на ту или иную деятельность (Lund 2006: 1205).

Позволить друг другу облагать налогом экспорт натрона – так это воспринимается на местном уровне – означает для них утвердиться в качестве реальной власти в пространстве, где политические институты (от кантональных до национальных) обычно не очень активны и не пользуются авторитетом. В данном случае их власть и связанный с ней суверенитет распространяются только на месторождение и тех, кто им пользуется: они регулируют доступ к работе на выработке и право экспорта натрона, но не имеют никаких рычагов управления остальным населением оазиса. К тому же практически невозможно помешать местным жителям, как гражданским, так и военным, бесплатно добывать натрон. Поэтому контроль его добычи в Фая, в соответствии с весьма распространенным в Сахаре правилом, концентрируется на контроле таких специфических ресурсов, как транспорт и рабочие руки, в режиме территориального управления. Налогообложение натрона в Фая одновременно маргинально, причем в двух смыслах: оно происходит на географической окраине Республики Чад, и его объемы пренебрежимо малы в сравнении с государственным бюджетом, – и показательно для понимания политической логики, действующей не только в этой стране, но и в других подобных случаях.

Налогообложение лежит в основе практик управления и в широком смысле этого слова уже давно присутствует в регионе озера Чад (*Roitman 2005*). Изучение первого позволяет понять вторые, не заикливаясь на обычном вопросе о предполагаемой “несостоятельности” государства. Такой подход может быть особенно полезен в отношении Республики Чад, на первый взгляд представляющей собой противоречивую картину: она регулярно фигурирует среди самых “несостоятельных” государств мира с точки зрения критериев *good governance*, как его понимают международные институции⁵, и одновременно описывается как оплот стабильности в регионе, сотрясаемом политическими кризисами и кризисами безопасности, а президент страны Идрис Деби Итно, у власти с 1990 г.⁶, считается “хозяином Сахеля” (*Soudan 2015*) и “новым сильным лидером” Центральной Африки (*Bozonnet 2013*).

Подход “снизу”, через землю и недра, в этом сахарском регионе, известном своей мятежностью, но в то же время центральным в карьере Идриса Деби и двух его предшественников на посту главы государства – Гукуни Уэддея и Хиссена Хабре – также может позволить выйти за рамки того, что на первый взгляд кажется противоречивым. Точно так же, рассматривая эти окраинные зоны Сахары не в отдельности от государства, но как географическое и моральное пространство, в котором границы государственной власти и ее легитимность постоянно переосмысливаются и переформулируются, можно задаться вопросом о роли периферии – территориальной, политической, экономической, фискальной – в процессе социального и политического регулирования (*Das, Poole 2004; Dahou 2015*).

От потребительной стоимости к меновой стоимости

Трудно точно сказать, когда именно началась добыча натрона в этом регионе Сахары. Некоторые жители полагают, что, не считая пастухов-кочевников – арабов и тубу, первыми стали добывать натрон вадаи в конце XIX в. (ПМА-1)⁷. В этот период минерал имел скорее потребительную, чем меновую стоимость и, по-видимому, его можно было свободно собирать по меньшей мере вплоть до 1930-х гг.

Натрон не имеет никакой рыночной стоимости. Нужно заплатить лишь несколько франков аборигену-собирателю за его транспортировку на верблюде, если у покупателя с юга нет возможности вывезти его самостоятельно (*ANT, W18: 3*).

Такая свободная кустарная добыча, тем не менее, сопровождалась ежегодным экспортом большого количества натрона, который верблюды доставляли в скотоводческую зону Чада⁸, где он традиционно использовался – как и во всей этой части континента – в пищу скоту (*Gillet 1988: 115*), при выделке шкур и окраске кожи и тканей (*Gast 1994: 2149, 2151*), в производстве мыла, а также, в меньших количествах, в питании людей, традиционной медицине – в качестве лекарства, моющего средства и после родов (*Dognin: 2014: 608*) или как добавка к жевательному табаку⁹.

Вопрос о собственности на месторождения натрона в те годы не порождал напряженности, некоторые даже думают, что выработку в Фая “оседлые” жители оазиса – камая отдали своим соседям (или повелителям, или даже хозяевам, в зависимости от источников) – пастухам-кочевникам анаказа¹⁰. Как и на всей территории оазиса, вопрос о собственности на землю не вставал до тех пор, пока последняя не становилась средством производства и источником дохода. Что и произошло с введением специального налога на продажу натрона.

“Кантоны” и их “вожди” были учреждены в Борку французами после завоевания этих земель в 1913 г. без опоры на прежних вождей, поскольку, по словам колонистов, таковых не су-

ществовало (*Chapelle* 1957). Их власть оставалась в целом весьма ограниченной, а их миссия чаще всего ограничивалась сбором налогов в пользу колониальной администрации. Миссия эта могла быть достаточно сложной, поскольку население, отказываясь платить, встречало сборщиков ударами копий (ANT, W18: 2). Собственно колониальная администрация действовала исключительно на военных постах. Только те, кто жили там, т.к. искали протекции французов, – т.е. в основном “чужие”: торговцы, приехавшие по коммерческим делам, аграрные колонисты-поселенцы из Ливии и лица с низким социальным статусом (например, бывшие рабы) – платили налоги. Однако эти “чужаки” не попадали под юрисдикцию вождей кантонов. Поэтому для последних налогообложение природных ресурсов, в том числе тех, которые использовались “чужаками”, как соль и натрон, было способом пополнить казну¹¹. Если Ле Руврер, глава администрации округа Борку в середине 1950-х гг., писал, что натрон в Фая и Вади-Думе добывается бесплатно (*Le Rouvreur* 1962: 449), а географ Капо-Рей после командировки в регион примерно в тот же период утверждал, что частной собственности на соляные и натроновые выработки не существует (*Capot-Rey* 1963: 84), то ситуация, похоже, изменилась на протяжении 1950-х гг. с установлением “платы в 20 франков за одного груженого верблюда в пользу вождя анаказа” (ANT, W21: 2). Несколько тонн натрона ежегодно вывозилось на верблюдах в южном направлении (ANT, W18: 3; ANT, W21: 1; ANT, W22: 2)¹², когда тунисская автотранспортная компания решила экспортировать минерал в Тунис, чтобы не гонять обратно порожняком свои грузовики, доставлявшие различные товары в Фая, где располагался крупный военный гарнизон (APF: 1). Этот эпизод, хоть и недолгий, стал началом экспорта натрона на грузовиках. Именно к этому периоду относятся сохранившиеся в местных архивах записи о конфликтах между различными вождями кантонов по поводу эксплуатации месторождений натрона¹³. Какими бы ни были реальные практики налогообложения добычи натрона в Борку в описываемый период, оказывается, как сформулировал это бывший сотрудник префектуры Фая в колониальную эпоху, что “до получения независимости натрон был не так нужен, как теперь” (ПМА-1).

Вопросы собственности, споры из-за ренты

Первые два десятилетия после обретения независимости оказались плохо задокументированы в местных архивах, и похоже, что вопрос о натроне отошел на второй план в заботах администрации и традиционных вождей, поглощённых проблемами, связанными с мятежным Фронтом национального освобождения Чада (ФРОЛИНА). Налогообложение, однако, не потеряло своей важности: мятеж начался в 1965 г. в центральной части Чада именно с выступлений против чрезмерных, как считали восставшие, поборов (*Buijtenhuijs* 1978: 86). По свидетельству одного из бывших мятежников, “рядовые бойцы [ФРОЛИНА] мечтали о мире без властей и без тюрем” (*Bodoumi* 2010: 195) и, можно добавить, не слишком рискуя ошибиться: без налогов. В “освобожденных” регионах ФРОЛИНА, а затем и Переходное правительство национального единства неизменно упраздняли все налоги и сборы, кроме таможенных – т.е. взимаемых с “чужаков” (*Brandily* 1984: 54). Напротив, как только в 1982 г. власть в Нджамене перешла к Вооруженным силам Севера под командованием Хиссена Хабре (по происхождению анаказа, родом из Фая) “традиционные вожди” вернули себе все права, приобретенные в годы колонизации, и в первую очередь – право на взимание налогов¹⁴. Вождь кантона анаказа быстро сумел навязать свою власть, уже в том же 1982 г. присвоив себе право взимать 10% налогов. Остальные 90% направлялись в Генеральное казначейство в Нджамене. В следующем году его доля выросла до 25% (APF: 2). Караванщики, приходившие за натроном, должны были отныне платить за каждого груженого верблюда по тысяче африканских франков, кото-

рые распределялись следующим образом: 600 франков в пользу “государства”, 250 франков в пользу общины анаказа и 150 франков “в пользу представителей арабов или вадаи, в зависимости от принадлежности караванщиков” (APF: 3).

Вскоре после этого север страны вновь перешел под контроль Переходного правительства национального единства, поддерживаемого ливийской армией, остававшейся там до своего поражения в 1987 г. В Фая вопросы, связанные с управлением выработками натрона, похоже, вновь теряют значение – и исчезают из документов местных архивов. Дело в том, что контроль над выработками рентабелен лишь в том случае, если торговцы, которые закупают натрон, имеют свободный доступ к рынкам центра страны, а этого доступа больше не было. В это же время большинство признанных прежним правительством агентов, до тех пор занимавшихся сбором налогов на натрон в Фая, вынуждены были выехать в столицу страны Нджамену. Они решили переключиться на выработку в Куба Уланга, расположенную южнее, на границе регионов Борку и Батха, в неоккупированной зоне. До сих пор власти не обращали на нее внимания. Тем временем другие представители местной администрации попытались воспользоваться политической нестабильностью и присвоить себе новые prerogatives. У некоторых из этого ничего не получилось, тогда как иные, как, например, комендант военной зоны, смогли на время получить право сбора налогов. Так, когда в 1986 г. префект Борку-Эннеди-Тибести¹⁵ заявил, что будет сам напрямую распоряжаться доходами от натрона, он не забыл напомнить ответственному за сбор налогов в Куба Уланга, что тот не должен “подчиняться ничьим указаниям, выполняя свою работу, а о малейших выходах со стороны местных властей докладывать префекту”. Далее он уточнил, что комендант военной зоны и вождь анаказа продолжают собирать свои доли налогов (APF: 4).

Все эти обмены письмами, указаниями и решениями не дают представления о реальных денежных потоках, связанных с эксплуатацией натрона. Однако, судя по всему, минерал, добываемый на небольшой выработке и прежде мало использовавшийся, оказавшись в центре соперничества за ренту, превратился в товар, растущий в цене. Пример Куба Уланга поучителен не только тем, что он иллюстрирует связь между рыночной ценностью и налогообложением, но и тем, что он проливает свет на смысл разделения официального и неофициального взимания налогов для местного сообщества. Если все те, кто хочет воспользоваться налоговой манной, без конца оспаривают друг у друга “официальный” статус сборщика налогов, стремясь получить одобрение какой бы то ни было вышестоящей власти, то это, вероятно, потому, что такой статус, наделяя их реальной возможностью собирать эти налоги, позволяет им стать главным авторитетом в данной местности – как в глазах других потенциальных сборщиков, так и в глазах облагаемого налогом населения.

В 1987 г. война заканчивается, и в регионе Борку-Эннеди-Тибести постепенно вновь устанавливается администрация Нджамены. Вследствие вмешательства главы государства Хиссена Хабре позиции вождя анаказа укрепляются. После возвращения в Фая последний официально назначен “ответственным за сбор налогов на натрон” (APF: 5). Часть собранных денег он должен затем передавать государственному налоговому чиновнику. Доля, остающаяся в распоряжении вождя анаказа, уже выросшая с 10% до 25% в предыдущие годы, теперь поднимается до 40%, а в отдельных случаях до 65%¹⁶.

Несколько лет спустя, после очередного государственного переворота супрефект Борку вновь попытался “оздоровить ситуацию с налогообложением на выработке натрона”, чтобы “добиться сбора налогов, которые по-прежнему выплачиваются лишь частично” (APF: 6). Одной из главных трудностей было помешать военным бесплатно добывать натрон для соб-

ственных нужд (APF: 7). В 1995 г. чиновники префектуры прямо писали о том, что “власти отказались от натронной ренты, ею пользуются лишь несколько частных лиц” (APF: 8). Такая ситуация, похоже, сохранялась долго, что не помешало вождю анаказа еще более укрепить свое доминирование, иногда с помощью местных властей, как, например, когда он получил от префекта Борку разрешение брать “200 франков вместо 100 за охрану верблюдов” караванов, проходящих за натроном (APF: 9).

Таким образом, на всем протяжении недавней истории эксплуатации натрона в Борку фискальные прерогативы, связанные с этим минералом, сохраняют оспариваемый, изменчивый и нестабильный характер: они не вписываются в линейный нарратив постепенного, необратимого и исключительного присвоения налоговых полномочий победившим государством, встречающийся у некоторых авторов (см., например *Levi* 1989).

Транспорт, экспорт и налоги

Начиная с 2000-х гг. торговля натроном принимает беспрецедентный размах. Хотя караваны верблюдов по-прежнему приходят регулярно, все больше и больше становится грузовиков, в частности, в связи с растущим спросом на минерал в Судане¹⁷. Поэтому государство пытается упрочить свои права и увеличить свою долю налогов. В 2008 г. было организовано совещание у супрефекта Фая при участии вождя анаказа и представителя горняков с целью увеличения налогообложения, особенно в отношении экспорта большегрузами (20–30 т), т.е. самой большей части экспорта (APF: 10)¹⁸. Несмотря на достигнутое соглашение, месяц спустя супрефект жаловался на то, что натрон “ускользает от нашего контроля. И что еще хуже – на добыче работает много неучтенных людей, которые, лишь только заработают немного денег, уходят нелегально в Ливию, чтобы присоединиться к мятежникам в Судане” (APF: 11). Вождь анаказа в дальнейшем поручил своему младшему сыну, получившему высшее образование в Канаде, заняться сбором налогов совместно с государственным налоговым чиновником, который стал региональным представителем Министерства горнодобычи. С тех пор этот чиновник – камая по происхождению, уроженец Фая, учившийся в России, – и его помощник почти ежедневно стали встречаться с сыном вождя анаказа и представителями горняков для дележа собранных накануне налогов и распределения бригад в зависимости от количества грузовиков, стоящих под погрузкой. Каждый водитель грузовика, желающий купить натрон, должен был обратиться в городское горное управление и уплатить все налоги и сборы, сумма которых (с 30-тонного грузовика) распределялась следующим образом: 110 тыс. африканских франков в пользу государства в лице Министерства горнодобычи, 150 тыс. в пользу вождя анаказа и 300 тыс. в пользу горного управления, из которых 250 тыс. – на зарплату горнякам, остальные – работникам управления. Итого 510 тыс. франков плюс по 3 тыс. 250 франков за каждый мешок мелких кусков натрона, которые грузятся поверх больших блоков. Каждый водитель обычно берет от 20 до 70 таких мешков за рейс. Наконец, водители оплачивают питание горняков за время погрузки и дают им дополнительно на руки от 10 до 20 тыс. франков на бригаду за то, чтобы при погрузке те не оставляли много пустот и чтобы груз не утрамбовался в пути. Плохая загрузка может привести к потере до 20% объема груза за время следования из Фая до Абеше (ПИМА-2). В общей сложности конечная стоимость загрузки одного грузовика натроном в Фая составляет от 600 до 750 тыс. франков, в Абеше он перепродается за 2 млн, а в Судане его цена может достигать до 5 млн, с учетом того, что рейс в оба конца занимает около двух недель и связан с существенными затратами на горючее, ремонт и т.п. Большинство водителей работают на себя и могут надеяться заработать за месяц до 1,5 млн франков, тогда один только вождь анаказа

получает за то же время в 4-10 раз большую сумму. Если в других регионах Сахары основную выгоду от солеварен традиционно получают водители грузовиков (см. *Clauzel 1960; Meunier 1980*), то в Фая – те, кто их обирает. Что не мешает большинству жителей думать, что мошенничество вокруг натрона по-прежнему широко распространено: “люди не декларируют доход, это редкость; только один водитель из десяти платит налог государству” (ПМА-3). С одной стороны, невозможно проследить, куда на самом деле идут собираемые налоги. С другой – ситуация зависит от вида налога и от авторитета того, кто его собирает. Например, большинство водителей, возящих натрон в Судан, имеют родственников по обе стороны границы, а также как чадские, так и суданские регистрационные номера. По закону при экспорте натрона они должны платить как таможенный сбор, так и сбор, установленный Торговой палатой, однако, по словам председателя последней, “никто нам никогда ничего не платит” (ПМА-4). Зная, что в пиковый период добычи в холодный сезон в день могут загружаться до 5 грузовиков, можно оценить валютную выручку от эксплуатации натрона в 20–60 млн африканских франков в месяц¹⁹ – существенные деньги для экономики Фая, но также очень большие деньги для тех немногих, кто получает львиную их долю: сотрудников горного управления и особенно – вождя анаказа, чей месячный доход составляет от 5 до 15 млн франков, или от 7 тыс. 500 до 22 тыс. 500 евро, делая его богатейшим племенным вождем в Фая и, возможно, во всем регионе. По словам другого вождя, “сегодня натрон – это товар, это деньги” (ПМА-5). В результате за несколько десятилетий вождь анаказа приобрел авторитет, который никто даже не пытался оспаривать, во всяком случае, в открытую.

Работа горняков

Добывать натрон, представляющий собой верхний слой земной коры толщиной несколько метров, нужно непосредственно перед погрузкой на машины, иначе минерал “сохнет на солнце, становится белым и теряет свою ценность” (ПМА-6). Поэтому готовить заранее запас минерала, складывая его на открытом воздухе, было бы нерентабельно. Достаточное количество бригад должно работать на выработке каждый день. Ротация этих бригад, как и их состав, строго регулируются, если не регламентируются. Только 6 из 21 кварталов города имеют право поставлять по очереди бригады горняков. Пять из них считаются кварталами анаказа, а шестой населен “потомками рабов”, предки которых “пришли с ливийцами” в начале XX в. (ПМА-3). За один раз каждый квартал, согласно заведенным правилам, может загрузить определенное количество грузовиков: 12 – Амул, 13 – Джиди, 8 – Мардангай, 7 – Кукуру, 4 – Ири Бугинья и 3 – Восьмой квартал. Таким образом на долю анаказа приходится 44 грузовика из 47. Внутри квартала несколько бригад делят работу между собой, и каждая бригада отправляется на выработку по очереди, затрачивая от одного до трех дней на загрузку каждого грузовика. По словам рабочих, они зарабатывают в среднем 5 тыс. франков в день, но эта сумма варьирует в зависимости от численности бригады и от количества дополнительных мешков с натроном, которые покупает водитель. Некоторые бригады вводят у себя своего рода страхование риска: если кто-то из горняков получит травму во время работы, коллектив платит ему его долю вплоть до выздоровления.

Большинство жителей города, в частности – камая, не имеют доступа к работе на выработке. Говорят, что это сравнительно недавняя практика, которая стала результатом жестокого конфликта между анаказом и камаем в 2006 г. по поводу права на землю. Некоторые из камая отказались тогда платить “дань” анаказу как “владельцам садов”. С тех пор, хотя никакого государственного постановления на этот счет не было, прерогатива всех анаказа на земле была

сведена к прерогативе их вождя на выработку натрона, куда камая теперь доступ закрыт. Это кажется достаточно странным: хотя многие анаказа – люди действительно бедные, их социальный статус, который считается более высоким, чем у камая, тесно связан с отказом от выполнения любой работы, считающейся постыдной, с нежеланием “гнуть спину”. В других регионах Сахары работа на солеварнях является уделом определенных категорий населения оазисов, а также рабов, заключенных и в последнее время – пришлых “чужаков”²⁰. Если же свободные молодые люди, не принадлежащие к сообществам горняков или солеваров, иногда нанимаются на такую работу, то лишь временно и по каким-то определенным мотивам (например, чтобы заработать денег на свадьбу, расплатиться с долгами или оплатить поездку). В Фая тоже работа на выработке рассматривается скорее как крайний случай и временное решение, нежели как постоянное или длительное трудоустройство. Потому нередко бригады анаказа пропускают свою очередь из-за нехватки рабочих рук²¹.

Кроме того, по существующему порядку водители грузовиков могут выбирать бригаду, которая будет для них заготавливать и грузить натрон, поэтому бригадиры, находящиеся в непосредственном контакте с ними, могут обслуживать “забронированные” грузовики вне всякой очереди. Водители звонят им, чтобы предупредить о своем прибытии, за несколько дней, чтобы те подготовили нужный объем натрона. В таких случаях они, минуя горное управление, ставят машину прямо под погрузку, а бригадиры, которые с ними работают, заранее платят за них все налоги и сборы. Так, у одного из бригадиров из Восьмого квартала – по происхождению хаджерай – есть несколько номеров телефонов водителей из Ваддая, благодаря чему его бригада работает чаще остальных. Восьмой квартал традиционно считается кварталом “бывших рабов”, но также кварталом “чужаков”, приезжих из восточных и центральных районов Чада, которые ищут работу в Фая в периоды сельскохозяйственного бездействия в Сахеле или останавливаются там на пути в Ливию, остающуюся притягательным направлением для мигрантов со всей страны (*Brachet 2016*). Учитывая стоимость проезда в Ливию, необходимость иногда подолгу ждать машины и дороговизну жизни в Фая, некоторые мигранты иногда нанимаются подработать на выработку, “но только жители Чада, других не берут” (ПМА-8)²². Камая, если они хотят работать на выработке, тоже могут вступить в одну из бригад Восьмого квартала. Они не совсем лишены доступа к горняцким заработкам, но могут получить его только в качестве “чужаков”. Таким образом, установленная очередность кварталов и бригад для работы на выработке, похоже, служит не столько для обеспечения преимуществ горнякам-анаказам, сколько для утверждения доминирующего статуса их кантона на политическом уровне (поскольку именно они устанавливают условия работы на выработке и доступа к ней).

Фискальное согласие и политические интересы: брать налоги с чужаков

Таким образом, в Фая налогообложение местных природных ресурсов носит откровенно политический характер, в том смысле что оно сопровождается публичным утверждением различными инстанциями своего рода суверенитета. Для вождя анаказа выработка натрона, бесспорно, представляет собой важный источник дохода, но она также символизирует его прерогативы на земли оазиса. Официально он получает часть налоговых поступлений от добычи и продажи натрона как “владелец по обычаю” самой выработки и окружающих ее земель: “право собственности”, которое ему трудно отстаивать в других сферах. “Налогообложение” натрона включает в себя одновременно налог на природный ресурс, плату за право доступа к земле, на которой расположена выработка, вознаграждение за оказанные услуги (организацию работы), монополию на эту организацию, лицензию на экспорт, налог на прибыль перевоз-

чиков-трейдеров и своего рода дань традиционному вождю, главенствующему в оазисе. В свою очередь региональный чиновник Министерства горнодобычи имеет право сбора налогов как представитель государства. Эта кажущаяся двойственность “официальной”, “государственной” и “неформальной”, “традиционной” сфер обманчива, так же, как обманчива двойственность территориальных уровней, на которых закреплены и узаконены прерогативы участников: местный “традиционный вождь” должен искать компромисс с “национальным” чиновником. Если вождь анаказа (умерший в 2017 г.) был близок к президенту Хабре, тоже анаказа, то еще ближе он был к следующему президенту – Деби, своему зятю. В то же время представитель Министерства горнодобычи, камая, часть своих доходов тратил на местные нужды – например, финансировал футбольную команду, но никогда не вмешивался в земельные споры камая и анаказа. Двойственность государство/традиционное вождество можно также рассматривать как “договоренность” между разными кантонами и между кантонами и государством: всех устраивает, что военные и немногочисленная местная знать пользуются выработкой натрона, не платя налогов, а налоги, собираемые на местах, почти никогда не доходят до Нджамены. Если государство узаконивает “традиционный” институт, наделяя его официальными правами (а также операционным бюджетом в форме зарплаты вождю кантона и его гвардии), то отчасти верно и обратное, принимая во внимание традиционную неустойчивость политической власти в Чаде и зачастую ограниченное действие в регионах решений центрального правительства. Такая двойственность вообще характерна для Республики Чад, где “режим скорее использует имеющиеся в наличии силы, нежели пытается их контролировать” (Debos 2013: 176).

Изучение системы налогообложения в Борку не только дает нам представление о сложных и многосторонних отношениях государства со своей периферией, но и указывает на важность действий государства – свойственными ему методами – в регулировании экономической деятельности в регионе. Как мы видели, налог на натрон не взимается с заранее установленной стоимости минерала, но непосредственно участвует в формировании этой стоимости, хотя бы посредством организованного и, следовательно, некоторым образом безопасного доступа к ресурсу, который совместно предоставляют торговцам-“чужакам” традиционный вождь и правительственный чиновник. А без этого, т.е. без выхода на коммерческие сети, натрон не имеет никакой рыночной стоимости. Пример временного прекращения транспортного сообщения с регионом Ваддаи и связанного с этим переключения налоговых органов на выработку в Куба Уланга во время гражданской войны хорошо это иллюстрирует.

Точно так же организация работы по добыче и погрузке натрона представляет собой одновременно необходимое условие обеспечения ее рентабельности и публичное утверждение суверенитета – в частности, права исключить из этой деятельности некоторые группы населения оазиса. Таким образом, утверждение суверенитета, собственности и политического превосходства идут рука об руку, воплощаясь в налоговой практике, так что трудно, а то и невозможно, провести их аналитическое различие (Goodfellow, Owen 2018; Lund 2006). Это противоречит более распространенным в исследованиях налогообложения моделям, которые исходят из того, что рыночная ценность и даже право собственности существуют до установления налогов, и видят в возникновении и развитии государства и налоговых практик линейный и причинный процесс (см. напр. Levi 1989; Bräutigam 2002).

В данном конкретном случае мы могли бы добавить к этой логике взаимного и параллельного конституирования работу, или вернее весь способ производства, выросший вокруг натрона. Такая организация оплачиваемой работы строго по установленному расписанию уникальна для оазиса и в целом для региона Борку (Brachet, Scheele 2015a). Устойчивость этой модели объ-

ясняется тем, что, вопреки тем преимуществам в доступе к работе, которые она – казалось бы – создает для анаказа, на деле большая часть работников на выработке – “чужаки”, или по крайней мере (временно) считаются таковыми: потомки рабов, выходцы из других регионов. И если способ производства, характерный для эксплуатации натрона, уникален для оазиса, то принцип обирания пришлых, чужих – а значит, предпочтение таких фискальных инструментов, как таможенные сборы, плата за доступ к ресурсам и за мобильность, а не личного или земельного налога является здесь скорее обычным делом. Этот принцип, судя по всему, существовал до появления государства, которое, кажется, само воспринимается как один из таких “чужаков”, которых можно обложить налогом. Такое впечатление активно поддерживается правительством, желающим купить мир в регионе, где не раз зарождались вооруженные мятежи, даровав нескольким местным акторам право дополнительного налогообложения. Но взимать налоги – еще не значит управлять, так же как налоговая политика не обязательно направлена на укрепление институционального потенциала государства или способности его лидеров к управлению (Levi 1989: 2). “Суверенитет”, рождающийся из этих фискальных практик, направлен скорее вовне, он разделяем, нестабилен и, безусловно, основан на праве исключения (Agamben 1997) – но речь не об исключении из политического или какого-то иного сообщества, членство в котором наделяет жизненно важными правами, а всего лишь о лишении доступа к конкретному местному ресурсу. Этот суверенитет не предполагает никакого управления людьми вне ограниченного контекста выработки натрона, горного управления и временных горняцких бригад. Сама идея “управления” людьми, т.е. руководства их поведением на постоянной основе, плохо вписывается в традиционную политическую культуру региона (Brachet, Scheele 2015c). Управлять можно ресурсами, местностями, может быть, даже дорогами, контролируя пункты пропуска. Такое “управление” выражается в перемещении ценностей: либо в форме налогообложения, которое предполагает определенную “защиту”, либо в форме хищнического изъятия. Люди привыкли считать себя носителями “мелких суверенитетов” (Dresch 2006), чьи политические и социальные права существовали прежде всякого государства. Налогообложение натрона, несмотря на видимое участие в нем государства и “традиционного вождя”, также в значительной мере порождено государством (колониальным, затем постколониальным), больше похоже на прежние принципы защиты и контроля ключевых ресурсов, издавна существующие в Сахаре (Rossi 2015), чем на фискальные практики централизованного государства. Чтобы укрепить свое присутствие в регионе, чадское государство вынуждено играть по этим правилам – одновременно трансформируя их уже только своим присутствием. Однако видимое присутствие представителей государства не обязательно означает, что они будут действовать в первую очередь именно как таковые, в соответствии с государственной логикой и в государственных интересах. Президент Идрис Деби, глава государства и одновременно султан своего родового владения в Эненди, – лучший тому пример.

***

Практики налогообложения на выработке натрона в окрестностях города Фая вписываются в традиционную и широко распространенную в регионе логику утверждения суверенитета, предпочитающую контроль конкретных ресурсов и местностей контролю над территориями или населением или прямой эксплуатации этих ресурсов. Но они прекрасно вписываются и в логику современного чадского государства, которое организует или поощряет в большинстве сфер своей деятельности умножение административных структур, каждая из которых получает возможность обогащения – в частности, через систему налогообложения – благодаря официальным и неофициальным связям с центральной властью (Brachet, Scheele 2015b). Часть

таких структур – например, традиционное вождество – получили свою легитимность не только от государства и потому не считают себя обязанными служить или полностью подчиняться ему. Помимо хорошо осознаваемых общих интересов, у каждого участника этой игры есть собственная повестка. Для государства налоговые отчисления от выработки натрона в Фая, безусловно, маргинальны, а то и вовсе незначительны, настолько неопределенна часть налогов, собираемых от его имени, реально доходящая до государственного казначейства. Однако само существование этого налогообложения позволяет установить государственный суверенитет, хотя и слабый, ограниченный и иногда обтекаемый, но тем не менее признанный и добавляющий государству видимости, которой ему не хватает. Эта договоренность между “местной властью” и государством отражает положение последнего в регионе в целом: на севере Чада, отнюдь не “недостаточно управляемом” (*International Crisis Group* 2011), сконцентрировано огромное количество чиновников и других государственных служащих, гражданских и военных, играющих центральную роль в местной политике. Однако зачастую трудно понять, обязаны ли они своей влиятельностью связи с государством (с его распределительной способностью), или же она как раз и стала причиной, по которой государство их интегрировало, кооптировало, купило, наконец. И именно эта неуверенность в происхождении и иерархии игроков политической сцены делает всю систему работоспособной и прибыльной. В любом случае с местной точки зрения государственные служащие – лишь одни из участников политической игры, в большинстве случаев выходящей за рамки единственно государственной логики: они, конечно, играют свою роль, но не они устанавливают правила. Это никоим образом не делает чадское государство “слабым” или “несостоятельным”, но скорее указывает на его гибкость и способность адаптироваться к специфическим условиям региона, который всегда создавал ему проблемы и в то же время поставлял большую часть государственных деятелей, в том числе самого высокого ранга. Отчасти это объясняет также устойчивость власти: вождь анаказа скончался в 2017 г. на 47 году своего пребывания на этом посту, а президент Идрис Деби находился у власти 30 лет. Устойчивость принципов, лежащих в основе фискальных “договоренностей” – и, следовательно, долговечность современной политической системы, кажется, в меньшей степени проистекает из стабильности государственных институтов, чем из отказа от институализации этих “договоренностей” в пользу гибких, разносторонних и эластичных социальных отношений. Таким образом, налогообложение натрона в Фая является абсолютно маргинальным для государства с экономической точки зрения, но можно сказать, что оно подогнано “под себя” местной властью, извлекающей из него выгоду, но также и президентом, который регулярно жалуется на “полный крах авторитета государства” в регионе Борку (*Déby* 2013).

Примечания

- ¹ Натрон находится на поверхности земли в форме беловатой минеральной корки. Он состоит в основном из гидрокарбоната натрия, смешанного с хлоридом и сульфатом натрия, глиной и песком.
- ² Кантоны – административные единицы, созданные в колониальную эпоху и обозначающие группы людей, а не территории, хотя эти группы могут иногда предъявлять права на землю (см., например: *Crowder 1964; Zucarelli 1973*). *Сегодня в Чаде кантоны создаются – и их вожди назначаются – президентским декретом. Вожди четырех из семи кантонов, представленных в Борку, имеют резиденцию в Фая.*
- ³ Согласно Кодексу добычи полезных ископаемых Чада (реформа которого идет с мая 2017 г.) государству принадлежат минеральные ресурсы, находящиеся на поверхности и в недрах (закон N°011/PR/1995 от 20 июня 1995 г., ст. 3, 5 и 6).
- ⁴ Согласно тому же Кодексу вождям анаказа принадлежит земля, на которой расположена выработка натрона, и они имеют право на ее эксплуатацию (ст. 31–34).
- ⁵ См., например, *Failed States Index – впоследствии Fragile States Index – с 2005 г., ежегодно публикуемый Американским Фондом Мира (The Fund for Peace) и журналом Foreign Policy. В 2018 г. Республика Чад занимала в этом списке 8-е место (7-е в 2021 г. – прим. перев.) и первое – среди государств, в которых не идет война – см. <https://fragilestatesindex.org>*
- ⁶ Убит в бою с повстанцами 20 апреля 2021 г. – прим. перев.
- ⁷ Во французской традиции под тубу понимают группы теда и даза, в состав которых входят, в частности, анаказа, донза и камая.
- ⁸ 1 тыс. 480 т натрона учтены как экспорт колониальной администрацией в 1935 г. (ANT W18, 1935).
- ⁹ По подсчетам французских колониальных властей, несколько тысяч верблюдов ежегодно приходили в Борку за финиками, солью и натроном (ANT, W18: 1; ANT, W22: 1, 2).
- ¹⁰ Об отношениях, порой конфликтных, между камая и анаказа см. *Brachet, Scheele 2016*.
- ¹¹ Применительно к региону Борку см. данные по солеварням в Бедо (ANT, W18: 4) и Деми (ANT, W20: 2).
- ¹² Ле Руврер отмечал, что груз натрона весом от 100 до 130 кг. (в зависимости от верблюда) продавался в Абешё, административном центре региона Вадаи, за 1 тыс. 300 африканских франков (*Le Rouvreur 1962: 449*).
- ¹³ Вождь кантона кокорда оспаривал право вождя кантона анаказа на сбор платы за эксплуатацию месторождения Са на юге Борку, которую тот получал с 1953 г. (ANT, W20: 3). По поводу выработки в Фая см. Ежемесячный политический бюллетень региона Борку за апрель 1955 г. (личный архив аль-Хаджи Мусы Хайраллы).
- ¹⁴ Как было рекомендовано еще в 1960-х и 1970-х гг. возглавляемой Францией Миссией административной реформы (MRA) при поддержке режима Томбалбая. См.: *Buijtenhuijs 1987: 327*
- ¹⁵ В то время эти три современных региона составляли один департамент.
- ¹⁶ “Караванчики должны отныне платить тысячу африканских франков государству и 750 франков общине с каждого груженого верблюда, тогда как водители грузовиков должны платить государству 50 тыс. франков за 10 т и 100 тыс. – за 20 т, а также 90 тыс. в пользу общины и 60 тыс. налога на рабочую силу вне зависимости от тоннажа грузовика” (APF: 5).
- ¹⁷ Грузовики, которые приходят за натроном из Судана или из Абеше, привозят товары – в частности, высушенные и прессованные отходы с заводов, на которых производится арахисовое масло. Смешанные с водой, они идут на корм скоту. Мешок отходов торговцы в Фая покупают за 7 тыс. 500 франков и перепродают за 8 тыс. 500 на месте или с еще большей выгодой – в Ливии.
- ¹⁸ Свободная и бесплатная добыча натрона в Фая больше не разрешается, но она еще сохраняется на нескольких других выработках региона Борку. Эти выработки, к которым нет подъезда на грузовиках и иногда даже на пикапах, а только на верблюдах, до сих пор никем не контролируются.
- ¹⁹ В среднем от 250 до 750 млн франков в год, к которым нужно добавить также менее существенные суммы от продажи натрона караванщикам-арабам, которые приходят с сентября по февраль и платят по 3 тыс. франков за груженого верблюда (1000 франков государству, 5⁰⁰ – вождю анаказа, 300 – вождю арабов, по 100 франков – мэрии и супрефектуре Фая, а также горнякам).
- ²⁰ В соседнем Нигере тубу отказываются от горняцкой работы, считающейся позорной. Этим занимаются выходцы из Западной и Центральной Африки, находящиеся на пути в Ливию (*Vikør: 1982; Brachet 2017; McDougall: 2017*)
- ²¹ Об отношении обитателей Фая к наемному физическому труду см., например, *Brachet, Scheele 2015a*.
- ²² “Расовые вожди” – это традиционные вожди, представляющие на местном уровне свои “этнические общины”. Они признаны государством и Ассоциацией традиционных вождей Чада (ААСТТ).

Источники и материалы

- ПМА – полевые материалы авторов: интервью 1) аль-Хаджи Муса Хайралла. Фая, 14 марта 2012 г. 2) М., водитель из Ваддая. Фая, 6 апреля 2012 г. 3) А., житель Фая, 20 марта 2012 г. 4). Вардугу Ани, председатель Торговой палаты Фая. 21 марта 2012 г. 5) вождь кантона мина. Фая, 3 августа 2012 г. 6) региональный представитель Министерства горнодобычи в Борку, Фая, 23 марта 2012 г. 7) Ф., по происхождению донза, Фая, 20 марта 2012 г. 8). Эль-Хаджи Сужи Торна, “вождь расы” хаджераи и представитель по натрону Восьмого квартала, Фая, 23 марта 2012 г.
- ANT W 18 – Archives nationales du Tchad, N’Djaména, dossier W 18. 1). Rapport trimestriel, 4e trimestre 1928, Borkou-Ennedi; 2) Rapport trimestriel, 3e trimestre 1933, Circonscription du Borkou-Ennedi-Tibesti (BET); 3). Rapport trimestriel 4e trimestre 1935, (BET), Colonie du Tchad, Gouvernement général de l’Afrique équatoriale française (GGAEF); 4). Rapport trimestriel, 1er trimestre 1936 (BET).
- ANT W 20 – Archives nationales du Tchad, N’Djaména, dossier W 20. 1). Rapport politique, 1er semestre 1949; 2). Bulletin politique mensuel, mars 1950 (BET); 3). Bulletin politique mensuel, juillet 1954 (BET).
- ANT W 21 – Archives nationales du Tchad, N’Djaména, dossier W 21. 1). Rapport politique 1954, District du Borkou (BET); 2). Rapport économique 1955, District du Borkou (BET).
- ANT W 22 – Archives nationales du Tchad, N’Djaména, dossier W 22. 1). Bulletin mensuel de renseignements politiques et économiques, octobre 1951 (BET); 2). Bulletin politique mensuel, septembre 1955 (BET).
- APF – Archives de la préfecture de Faya, non classées, Faya. 1). Lettre du chef de région du BET au chef du Territoire du Tchad, Largeau, juin 1954; 2). Rapports du service Trésor et bureau des douanes de Faya, 18 novembre 1982, 25 mars 1983, 3 avril 1983 et 8 avril 1983; 3). Gunt, Note de service de la Commission de gestion et de sécurité de la ville de Faya, Faya, 19 juillet 1983; 4). Lettre du préfet du BET à l’agent en charge de l’enlèvement du natron, N’Djaména, 5 août 1986; 5). Lettre du préfet du BET au sous-préfet du Borkou, Faya, 28 juillet 1987; 6). APF, Sous-préfecture du Borkou, Décision n°298/SPB/FAYA/92, Faya, 18 septembre 1992; 7). Le préfet adjoint au commandant de la région militaire n° 1, Faya, 3 février 1993; 8). APF, Bulletin économique mensuel, octobre 1995, Faya (BET); 9). Attestation du préfet du Borkou, Faya, 25 mai 2005; 10). Sous-préfet de Faya rural, Fiche d’information, Faya, 27 février 2008; 11). Le sous-préfet de Faya rural au préfet du département du Borkou, Faya, 18 mars 2008.
- Bozonnet, C. 2013. Le président Idriss Déby veut faire du Tchad un acteur majeur en Afrique. *Le Monde*, 15.04.
- Déby Idriss Itno 2013. Rencontre PR autorités administratives et militaires de Borkou [en ligne], DGCOM, 29 juin 2013. www.presidentie.td/fr-news-638.html.
- International Crisis Group. 2011. Le Nord-Ouest du Tchad: la prochaine zone à haut risque? *Briefing Afrique*, 78.
- Soudan, F. 2015. Tchad: Idriss Déby Itno, le boss du Sahel, *Jeune Afrique*, 09.03.

Научная литература

- Agamben G. Homo sacer. Le pouvoir souverain et la vie nue. Paris: Seuil, 1997.
- Bodoumi A. S. Tchad: 1960-1982. La victoire des révoltés. Témoignage d’un “enfant soldat”, N’Djaména: Centre al-Mouna, 2010.
- Brachet J. Policing the Desert: The IOM in Libya Beyond War and Peace // *Antipode*. 2016. Vol. 48 (2). P. 272–292.
- Brachet J. Entre saline et mesure. Note sur la vie quotidienne des migrants étrangers dans l’oasis de Bilma (Niger) // *Outre-Terre*. 2017. n° 53. P. 114–127.
- Brachet J., Scheele J. A “Despicable Shambles”: Labour, Property and Status in Faya-Largeau, Northern Chad // *Africa*. 2016. Vol. 86 (1). P. 122–141.
- Brachet J., Scheele J. Les années écroulées. Vestiges, développement et autonomie à Faya-Largeau, Tchad // *L’Homme*. 2015. n° 215–216. P. 279–305.
- Brachet J., Scheele J. L’envers du tourisme au Sahara tchadien. Entre jeu politique national et indifférences locales. *Cahiers d’études africaines*. 2015. n° 217. P. 107–131.

- Brachet J., Scheele J.* Fleeting Glory in a Wasteland: Wealth, Politics, and Autonomy in Northern Chad // Comparative Studies in Society and History. 2015. Vol. 57 (3). P. 723–752.
- Brandily M.* Le Tchad face nord 1978-1979 // Politique africaine. 1984. n° 16. P. 45–65.
- Bräutigam D.* Building Leviathan: Revenue, State Capacity, and Governance // IDS Bulletin. 2002. Vol. 33(3). P. 1–17.
- Buijtenhuijs R.* Le Frolinat et les révoltes populaires du Tchad (1965-1976). Paris: Mouton, 1978.
- Buijtenhuijs R.* Le Frolinat et les guerres civiles du Tchad (1977-1984). Paris: Karthala, 1987.
- Capot-Rey, R.* Le nomadisme des Toubous // Nomades et nomadisme au Sahara / Ed. Bataillon C. Paris: Unesco, 1963.
- Chapelle J.* Nomades noirs du Sahara. Paris: Plon, 1957.
- Clauzel J.* L'exploitation des salines de Taoudeni. Alger: Institut de recherches sahariennes, 1960.
- Crowder M.* Indirect Rule: French and British Style // Africa. 1964. Vol. 34 (3). P. 197–205.
- Dahou T.* 2015. Les marges transnationales et locales de l'État algérien // Politique africaine. 2015. n° 137. P. 7–25.
- Das V., D. Poole D.* State and Its Margins. Comparative Ethnographies // Anthropology in the Margins of the State / Eds. V. Das, D. Poole. Santa Fe/Oxford: SAR Press, 2004. P. 3–33.
- Debos M.* Le métier des armes au Tchad. Le gouvernement de l'entre-guerres. Paris: Karthala, 2013.
- Dognin R.* 2014. Le jeu de Loi // Cahiers d'études africaines. 2014. n° 215. P. 585–622.
- Dresch P.* The Rules of Barat. Tribal Documents from Yemen, Sana'a: Centre français d'archéologie et de sciences sociales, 2006.
- Gast M.* 1994. Cuirs et peaux // Encyclopédie berbère. 1994. Vol. 14. P. 2149–2151.
- Gillet H.* 1988. La faim de sel // Journal d'agriculture traditionnelle et de botanique appliquée. 1988. n° 35. P. 111–120.
- Goodfellow T., Owen O.* Taxation, Property Rights and the Social Contract in Lagos // ICTD Working Paper. 2018. Vol. 73.
- Le Rouvreur A.* Sahariens et Sahéliens du Tchad. Paris: Berger-Levrault, 1962.
- Levi M.* Of Rule and Revenue. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Lund C.* Rule and Rupture: State Formation through the Production of Property and Citizenship // Development and Change. 2006. Vol. 47 (6). P. 1199–1228.
- McDougall E. A.* Colonial Labor, Tawdenni and “L'enfer du sel”: The Struggle from Slave to Free Labor in a Saharan Salt Mine // Labor History. 2017. Vol. 58 (2). P. 185–200.
- Meunier D.* Le commerce de sel de Taodenni. Journal des Africanistes. 1980. Vol. 50 (2). P. 133–144.
- Roitman J.* Fiscal Disobedience: An Anthropology of Economic Regulation in Central Africa. Princeton: Princeton University Press, 2005.
- Rossi B.* Kinetocracy: The Government of Mobility at the Desert's Edge // Mobility Makes States: Migration and Power in Africa / Eds. D. Vigneswaran, J. Quirk. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. P. 149-168.
- Vikør K. S.* The Desert-Side Salt Trade of Kawar // African Economic History. 1982. n° 11. P. 115–144.
- Zucarelli F.* De la chefferie traditionnelle au canton: évolution du canton colonial au Sénégal, 1855–1960 // Cahiers d'études africaines. 1973. n° 50. P. 213–238.

Research Article

Brachet, J., Scheele, J. The Political Economy of Natron in Borkou (Chad) [Politekonomiia natrona v regione Borku (Respublika Chad)]. *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 62-77 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/62-77>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Julien Brachet | Institut de recherche pour le développement (IRD), Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, 12 Pl. du Panthéon, 75231 Paris, France | julien.brachet@ird.fr |

Judith Scheele | <https://orcid.org/0000-0001-7224-7668> | judith.scheele@ehess.fr | CNRS, Centre Norbert Elias, 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France

Keywords

Chad, Bourkou-Ennedi-Tibesti, Faya-Largeau, natron, Chadian state, Anakaza, Kamaya, traditional chief, taxes

Abstract

Natron is mined by hand in open-air mines throughout the Chadian Sahara. In the main mine in Borkou, it is taxed by a local “traditional chief” as well as by a government representative. The way this fiscal arrangement came about historically shows how “traditional chiefs” and “the state” need each other in order to claim a particular and particularly restricted kind of sovereignty in the region. This is true of the Chadian state more generally, marked by a doubling up of “official” and “traditional” administrative hierarchies, and a close but rarely simple articulation of the local and the national level.

References

- Agamben, G. 1997. *Homo sacer. Le pouvoir souverain et la vie nue* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]. Paris: Seuil.
- Bodoumi, A. S. 2010. *Tchad: 1960-1982. La victoire des révoltés. Témoignage d'un "enfant soldat"* [The victory of the rebels. Testimony of a “child soldier”], N’Djaména: Centre al-Mouna.
- Brachet, J. 2016. Policing the Desert: The IOM in Libya Beyond War and Peace. *Antipode*, 48(2): 272–292.
- Brachet, J. 2017. Entre saline et mesure. Note sur la vie quotidienne des migrants étrangers dans l’oasis de Bilma (Niger) [Between saline and hovel. Note on the daily life of foreign migrants in the oasis of Bilma (Niger)], *Outre-Terre*, 53: 114–127.
- Brachet, J., Scheele, J. 2016. A “Despicable Shambles”: Labour, Property and Status in Faya-Largeau, Northern Chad, *Africa*, 86(1): 122–141.
- Brachet, J., Scheele, J. 2015a. Les années écroulées. Vestiges, développement et autonomie à Faya-Largeau [Years Fallen Apart. Ruins, Development and Autonomy in Faya-Largeau, Chad]. *L’Homme*, 215–216: 279–305.
- Brachet, J., Scheele, J. 2015b. L’envers du tourisme au Sahara tchadien. Entre jeu politique national et indifférences locales [Tourism in the Chadian Sahara. National Politics and Local Indifference]. *Cahiers d’études africaines*, 217: 107–131.
- Brachet, J., Scheele, J. 2015c. Fleeting Glory in a Wasteland: Wealth, Politics, and Autonomy in Northern Chad. *Comparative Studies in Society and History*, 57(3): 723–752.
- Brandily, M. 1984. Le Tchad face nord 1978-1979 [Chad north face 1978-1979], *Politique africaine*, 16: 45–65.
- Bräutigam, D. 2002. Building Leviathan: Revenue, State Capacity, and Governance. *IDS Bulletin*, 33(3): 1–17.

- Buijtenhuijs, R. 1978. *Le Frolinat et les révoltes populaires du Tchad (1965-1976)* [The Frolinat and Popular Revolts in Chad (1965-1976)]. Paris: Mouton.
- Buijtenhuijs, R. 1987. *Le Frolinat et les guerres civiles du Tchad (1977-1984)*. [The Frolinat and Civil Wars in Chad (1977-1984)] Paris: Karthala.
- Capot-Rey, R. 1963. Le nomadisme des Toubous [The nomadism of the Toubous]. Bataillon C. (dir.). *Nomades et nomadisme au Sahara*. Paris: Unesco.
- Chapelle, J. 1957. *Nomades noirs du Sahara* [Black Nomads of the Sahara]. Paris: Plon.
- Clauzel, J. 1960. *L'exploitation des salines de Taoudeni* [Exploitation of the Taoudeni Saltworks], Alger: Institut de recherches sahariennes.
- Crowder, M. 1964. Indirect Rule: French and British Style, *Africa*, 34 (3): 197–205.
- Dahou, T. 2015. Les marges transnationales et locales de l'État algérien [The Transnational and Local Margins of the Algerian State]. *Politique africaine*, 137: 7–25.
- Das, V., Poole, D. 2004. State and Its Margins. Comparative Ethnographies, in Das V. and D. Poole (ed.), *Anthropology in the Margins of the State*. Santa Fe/Oxford: SAR Press, 3–33.
- Debos, M. 2013. *Le métier des armes au Tchad. Le gouvernement de l'entre-guerres* [The profession of arms in Chad. The interwar government]. Paris: Karthala.
- Dognin, R. 2014. Le jeu de Loi [The Law Game]. *Cahiers d'études africaines*, 215: 585–622.
- Dresch, P. 2006. *The Rules of Barat. Tribal Documents from Yemen*, Sana'a: Centre français d'archéologie et de sciences sociales.
- Gast, M. 1994. Cuir et peaux [Leathers and Skins], *Encyclopédie berbère*, 14: 2149–2151.
- Gillet, H. 1988. La faim de sel [Hunger for salt]. *Journal d'agriculture traditionnelle et de botanique appliquée*, 35: 111–120.
- Goodfellow, T., Owen, O. 2018. Taxation, Property Rights and the Social Contract in Lagos. *ICTD Working Paper*, 73.
- Le Rouvreur, A. 1962. *Sahariens et Sahéliens du Tchad* [Saharans and Sahelians in Chad]. Paris: Berger-Levrault.
- Levi, M. 1989. *Of Rule and Revenue*. Berkeley: University of California Press.
- Lund, C. 2006. Rule and Rupture: State Formation through the Production of Property and Citizenship, *Development and Change*, 47(6): 1199–1228.
- McDougall, E. A. 2017. Colonial Labor, Tawdenni and “L'enfer du sel”: The Struggle from Slave to Free Labor in a Saharan Salt Mine. *Labor History*, 58(2): 185–200.
- Meunier, D. 1980. Le commerce de sel de Taodenni [The Salt Trade in Taodenni]. *Journal des Africanistes*, 50(2): 133–144.
- Roitman, J. 2005. *Fiscal Disobedience: An Anthropology of Economic Regulation in Central Africa*. Princeton: Princeton University Press.
- Rossi, B. 2015. Kinetocracy: The Government of Mobility at the Desert's Edge, in D. Vigneswaran et J. Quirk (dir.), *Mobility Makes States: Migration and Power in Africa*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 149-168.
- Vikør, K. S. 1982. The Desert-Side Salt Trade of Kawar. *African Economic History*, 11: 115–144.
- Zucarelli, F. 1973. De la chefferie traditionnelle au canton: évolution du canton colonial au Sénégal, 1855–1960 [From the Traditional Chiefdom to the Canton: Evolution of the Colonial Canton in Senegal, 1855–1960]. *Cahiers d'études africaines*, 50: 213–238.